DOI: 10.24412/2076-1503-2022-5-106-110
NIION: 2018-0076-5/22-667
MOSURED: 77/27-023-2022-5-866

САНГУЛИЯ Аслан Даурович,
старший преподаватель
кафедры Государства и права
Юридического факультета
Абхазского государственного университета,
Республика Абхазия, г. Сухум,
e-mail: asanguliya@mail.ru

ИДЕЯ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО СИНТЕЗА В КОНЦЕПЦИИ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПРАВА М.Н. КАПУСТИНА

Аннотация. *Настоящая статья посвящена одной из актуальных для истории российского правоведения второй половины XIX века проблем – теоретико-методологическому синтезу в качестве способа выхода из методологического кризиса юриспруденции. Автор обращается к анализу этой проблемы на основе изучения теоретико-правового творчества М.Н. Капустина, которому принадлежит первенство в теоретическом обосновании идеи общей теории права в России. По мнению автора, М.Н. Капустин в своей концепции общей теории права предпринял удачную попытку интеграции основных подходов к изучению права, представленных школой естественного права, юридическим позитивизмом и исторической школой права, в единый комплекс методологии, обусловленный содержанием формулируемого им предмета правоведения.*

Ключевые слова: *правоведение, общая теория права, методология познания права, теоретико-методологический синтез, методологический кризис правоведения.*

SANGULIYA Aslan Daurovich,
Senior lecturer of the State and LawDepartment
of the Faculty of Law of Abkhazian State University
(Sukhum, Republic of Abkhazia)

THE IDEA OF THEORETICAL AND METHODOLOGICAL SYNTHESIS IN THE CONCEPT OF THE GENERAL THEORY OF LAW BY M.N. KAPUSTIN

Annotation. *This article is devoted to one of the problems relevant to the history of Russian jurisprudence in the second half of the XIX century – theoretical and methodological synthesis as a way out of the methodological crisis of jurisprudence. The author turns to the analysis of this problem based on the study of the theoretical and legal creativity of M.N. Kapustin, who holds the primacy in the theoretical substantiation of the idea of the general theory of law in Russia. According to the author, M.N. In his concept of the general theory of law, Ka-pustin made a successful attempt to integrate the main approaches to the study of law presented by the school of natural law, legal positivism and the historical school of law into a single set of methodology determined by the content of the subject of jurisprudence formulated by him.*

Key words: *jurisprudence, general theory of law, methodology of knowledge of law, theoretical and methodological synthesis, methodological crisis of jurisprudence.*

Становление российского, как, равно, и западноевропейского правоведения, следует рассматривать в качестве поиска наиболее оптимальной методологии изучения права. Очевидно, возникновение правоведения как научного способа изучения права было связано именно с обоснованием метода, дающего возможность получения объективного, достоверного знания о праве, который был призван нивелировать субъективность исследования посредством исключения оценочных суждений о праве, опосредуя положения учений их рациональным обоснованием. Такие учения, которые следует рассматривать в качестве начала длительного пути эволюции правовой науки к ее современному состоянию, опирались на рационалистическую методологию, которая в XVII столетии претендовала на роль универсального способа познания действительности. Но, обоснованный Декартом и получивший форму принципа «Мыслю – следова-

тельно, существую», этот метод уже вскоре нашел себе альтернативу в эмпиризме, основанном на признании опыта единственным источником достоверных знаний, при этом, не отрицая значения разума, роль которого сводилась к систематизации эмпирического материала (Ф. Бэкон). В правоведении, осознавшем в те времена значение методологии для достижения объективных знаний о праве, это нашло своеобразное выражение в правовых учениях, создавших первый теоретический пласт современной юриспруденции с ее общедогматическим содержанием.

Гуго Гроций (1583 – 1645) впервые создает естественно-правовую теорию права, основанную на общих принципах разумного истолкования самого его феномена, его сущности, попытавшись разработать рационалистическую методологическую концепцию его познания. «Право, - пишет Гроций, - …означает не что иное, как то, что справедливо, при этом преимущественно в отрицательном, а не утвердительном смысле, так как право есть то, что не противоречит справедливости. Противоречит же справедливости то, что противно природе существ, обладающих разумом» [1 с. 68]. «Разумность» есть главный методологический принцип философии права Гроция, он является как источником интерпретации самого феномена права, так и правомерного поведения. Он пишет: «…соблюдение (правил) общежития, изображенное нами в лишь общих чертах как присущее человеческому разуму есть источник так называемого права в собственном смысле: к нему относится как воздержание от чужого имущества, так и возвращение полученной чужой вещи и возмещение извлеченной из нее выгоды, обязанность соблюдения обещаний, возмещение ущерба, причиненного по нашей вине, а также воздаяние людям заслуженного наказания» [1 с. 46].

П.И. Новгородцев дал очень точную характеристику этого произведения голландского философа, указав на разработанную в нем методологию именно как на основную заслугу. По мнению П.И. Новгородцева, «Современный читатель, который дает себе труд ознакомиться с трактатом Гроция, не сразу поймет причину его удивительного успеха и широкого распространения. Сочинение «О праве войны и мира» далеко не принадлежит к числу тех книг, которые сохраняют на долгие века неизменное значение и читаются теперь с таким же интересом, как и во время их появления. Для того чтобы прочесть Гроция, нужно иметь специальный интерес и большое терпение» [2 с. 119]. Главный же интерес, о котором идет речь, заключается именно в рационалистической методологии мыслителя, которой посвящена специальная глава в работе.

Но примечательным является то обстоятельство, что признание философии права, вместе с ее рационализмом и дедуктивной методологией, хотя и получило всеобщее распространение, определив эволюционное движение правоведения, не привело к безоговорочному и неукоснительному следованию рационализму в версии Г. Гроция. Не смотря на то, что английское правоведение XVII века в целом соответствовало данной методологической парадигме, есть выдающиеся примеры ее дополнения, обогатившие юридическую науку. Речь, конечно же, идет о правовой теории Дж. Локка (1632 – 1704), по-своему интерпретировавшей сам принцип «разумности», дополнившей изучение права обилием исторических примеров, игравших роль эмпирического фундамента исследования. Главные идеи мыслителя - идея первобытного договора, народного суверенитета и разделения властей - обоснованы не только рационалистически, но и ссылками на исторический опыт.

Такое дополнение рационализма в правоведении и, соответственно, школы естественного права, было не случайным, приведя к историческому правопониманию, к исторической школе юристов, интерпретировавших право как историческое явление, отрицавших его универсальность и апеллировавших к «народному духу», как к его источнику, объясняющему его уникальность и неповторимость. Вместо установки на рационализм с его универсалистским темпераментом возникает стремление изучить право в его уникальности, обусловленной неповторимостью истории народа, его социального и культурного бытия.

Но исторический подход к праву также грешит умозрительностью, а его теоретические суждения о праве, часто включают элемент оценочности. Чтобы право стало наукой, следовало полностью избавиться от этого, сосредоточив исследовательское внимание на праве в том виде, как оно существует в законе. То есть, писаное право (позитивное право) становится единственным предметом изучения научного правоведения. Это положение обретает форму фундаментального принципа для юридического позитивизма, положившего начало нового этапа эволюции правоведения. Но такая «научная» теория, хоть и обладала значительным потенциалом объективности метода изучения права, имела очень серьезный недостаток, состоящий в отождествлении права и закона. Превращаясь в формальную юридическую конструкцию нормы, закона, оно теряет свое социальное содержание, свой смысл и социальное предназначение.

Данный исторический экскурс эволюции методологии правоведения важен для определения особенностей российской теории права вто-

рой половины XIX столетия, испытывавшей необходимость в создании общей правовой теории, интегрировавшей правовое знание на основе преодоления недостатков существовавших школ юриспруденции – школы естественного права, юридического позитивизма, исторической школы права. Очевидно, первая попытка решения этой задачи принадлежит К.А. Неволину, не только понявшему, что дальнейшее развитие правоведения связано с созданием интегральной общей науки о праве, но в 1839 году создавшем концепцию такой науки в своей «Энциклопедии законоведения» [3]. Понимая необходимость самостоятельного предмета и отличной методологии этой общей науки права, он, тем не менее, был вынужден конструировать именно *энциклопедию* законоведения, рассматривая общее содержание права не как специфический по сравнению с другими законоведческими дисциплинами объект, а как их наиболее общее содержание. Это не позволило ему пойти дальше в решении указанной задачи.

По мнению автора настоящей статьи, первым теоретиком, кто предпринял эффективную попытку решения этой задачи создания общей теории права на основе разработки новой методологии, преодолевающей недостатки распространенного классического юридического позитивизма и школы естественного права, был Михаил Николаевич Капустин (1828 – 1899), оставивший после себя два замечательных произведения по теории права «Теория права (юридическая догматика)» [4] и «Юридическая энциклопедия (догматика)» [5]. Преодоление недостатков этих двух типов правопонимания виделось теоретику как результат синтеза нескольких подходов к праву, возможность и необходимость которых обусловлена общей теорией права или правоведением, имевшим, по его мнению, самостоятельное значение научной дисциплины со своим предметом и методологией.

Синтез различных подходов к изучению права, представленных разными школами правопонимания, означал не голое их отрицание, а интеграцию их методологического потенциала на основе преодоления известных недостатков – умозрительности и оторванности от правовой реальности школы естественного права, формальности и абстрактности юридического позитивизма. Капустин, также, полагает необходимым обновление и исторического подхода к праву, абсолютизировавшего значение национального фактора его возникновения и эволюции. Таким образом, методология правоведения должна сочетать в себе элементы и философии права, и позитивизма, и исторического правопонимания.

Что же представляет собой эта наука, правоведение? Она не является конгломератом разных юридических дисциплин по аналогии с законоведением или энциклопедией законоведения. Это, как уже указывалось, самостоятельная юридическая наука, имеющая более общий характер своих знаний, по сравнению с другими юридическими науками, это общая теория права. Как таковое, правоведение имеет свои задачи в изучении права и воздействия на юридическую практику. Как писал М.Н. Капустин, «Правоведение, как наука, имеет предметом своим отыскание законов, необходимых для упорядочения внешней деятельности людей, живущих в обществе. Эти законы открываются из явлений, в которых выражается такое упорядочение в истории и в современной жизни человеческих обществ и которым придается юридический характер. Изучение этих явлений составляет основную задачу правоведения. Наблюдая юридические явления? юрист обобщает их и выводит те общие нормы, которые получают в них свое выражение» [5 с. 5].

К таким явлениям Капустин относит повеления власти, сделки и решение споров. Но это не значит, что правоведение сосредоточено исключительно на эмпирическом обобщении норм, существующих или существовавших в законодательствах разных времен и народов. Такой историко-позитивистский, эмпирический подход не только недостаточен для решения правоведением своих задач, он принципиально противоречит им. С другой стороны, М.Н. Капустин также полагает, что попытки выявить некие универсальные закономерности, на основе подобных исторических исследований тщетны. В этой связи он критикует уже распространившийся к концу XIX века социологизм в праве, в том его варианте, когда функционирование права отождествлялось с функционированием любой социальной системы, в свою очередь, отождествляемой с сообществами животных, деятельность которых мотивирована биологическими потребностями. Предостерегая от попыток поиска универсальных законов, Капустин формулирует основную методологическую особенность правоведения, которое лишь *наблюдает* правовые явления и обобщает их, отделяя случайное от необходимого. При этом, формулируя законы в результате этих обобщений, теоретик права должен понимать, что они не имеют того характера необходимости, какие имеют законы, формулируемые естественными науками. Он пишет: «…законы явлений, выводимые наукой права, не имеют характера той непреложности, какою отличаются законы физической природы. Правоведение может пользоваться только наблюдением; ему не доступен опыт; воля человеческая представляет элемент изменчивости, а потому в

ее проявлении всегда возможет так называемый «коэффициент непредвиденного». Этим коэффициентом служит духовная сила отдельных лиц» [5 с. 7].

Человек, обладающий сознанием и волей, не смотря на то, что в правоотношении выступает в качестве лица, где его духовные свойства, как правило, не имеют юридического значения, является тем фактором, который обуславливает, как саму природу права, так и особенности науки о праве (общей теории права, правоведения). Рассматривая методологическую природу правоведения, М.Н. Капустин полагает, что оно имеет позитивную и философскую части (элементы). Под философским элементом он подразумевает естественное право, которое рассматривается в качестве источника позитивного. Капустин, при этом, далек от того, чтобы следовать классическим теориям естественного права, он лишь указывает на разумность человека и его нравственную природу, объясняющую то, что он не может обойтись без идеалов. Так, правовой идеал, составляющий совокупность представлений о том, каким право должно быть, содержание которого наполнено пониманием справедливости, рассматривается им в качестве начала (принципа) права, без которого не может существовать как самого права, так и правоведения как науки. Он подчеркивает, что естественного права на самом деле не существует, речь идет именно об идеале права, которым руководствуется человек в своей жизни, чем объясняется, в частности, существование чувства справедливости, которым обладает каждый человек, живущий в обществе. Именно это, по мнению теоретика, позволяет правоведению открывать законы правовых явлений, а не ограничиваться эмпирической их фиксацией. Если для юридической практики достаточна именно такая эмпирическая фиксация, то для общей теории права, для правоведения необходима идея права, содержание которой обусловлено идеалом.

Сказанное не свидетельствует о том, что правоведение является философской наукой, либо иной наукой, входящей в состав других наук. Напротив, это самостоятельная наука. «Соприкасаясь с другими науками, имеющими предметом своим человека и его жизнь, - пишет М.Н. Капустин, - она имеет исключительно ей принадлежащее содержание и рассматривает явления человеческой жизни, только с одной стороны, - именно открывает общие нормы внешней власти и подчинения лица относительно других лиц. Все прочие стороны этих явлений стоят вне области правоведения; вопросы о благосостоянии, о пользе и тому подобное, не имеют юридического характера и должны подчиняться общему началу права. Для юриста получает значение лишь вопрос, насколько в данном явлении выражается внешняя власть и подчинение лица» [5 с. 7].

Поясняя свою позицию в отношении методологической природы правоведения, М.Н. Капустин подчеркивает ошибочность позитивистской точки зрения, настаивающей на том, что правоведение должно быть точной наукой. Оно не может быть точной наукой по той причине, что законы, которые оно исследует, обобщая свои наблюдения, не имеют непреложного характера. Право является социальным явлением, регулирующим отношения людей, обладающих сознанием и волей. Воля является важнейшим элементом права, поэтому невозможно с точностью предвидеть, каким содержанием будет обладать тот или иной институт с течением времени. Законы, которые выявляет правоведение посредством наблюдения, имеют преходящий характер, обусловленный социально-историческим контекстом их возникновения и функционирования в обществе.

Эта наука, по мнению М.Н. Капустина, имеет не только теоретический, но и практический характер. Практический характер правоведения раскрывается в двух аспектах: во-первых, для юридической практики всегда важно изучения правового опыта других стран, как в истории, так и в современном мире; во-вторых, сама общая теория права имеет практический потенциал, раскрывая сущность права, как его смысл в целом, так и отдельных институтов, что означает влияние, которое она может оказывать на законодателя и на правоприменителя.

В заключение статьи следует сказать, что вторая половина XIX века дала России множество выдающихся концепций права, значение которых следует видеть, прежде всего, в преодоление теоретико-методологического кризиса того времени, характерного не только для отечественной правовой науки, но и для западноевропейского правоведения. Основным результатом этих процессов следует рассматривать возникновение общей теории права, ставшей прообразом современной теории государства и права. Это стало возможным, в том числе, благодаря теоретико-методологическому синтезу, основанному на обобщении методологических возможностей таких школ юриспруденции, как школа естественного права, школа позитивного права и историческая школа права на основе обобщенной трактовки права, выходящей за рамки формально-юридической или предельно широкой (естественно-правовой) интерпретации. Характерным примером такого синтеза является концепция общей теории права М.Н. Капустина, который предпринял плодотворную попытку синтеза идей этих школ. Указывая на принципиальную важность идеи справедливости в праве, он подчеркивал, что в праве она теряет свой харак-

тер отвлеченного метафизического понятия, приобретая формально нормативную природу, «Она устанавливает мерило и соразмерность – равенство и неравенство в каждом отдельном отношении между лицами, если только эти отношения получили внешнее выражение. Этим определяется область права» [5 с. 37].

Но значительное место в учении М.Н. Капустина занимают и идеи исторической школы права. Он полагает, что историческая изменчивость права должна выступать в качестве одного из основополагающих принципов правоведения как науки. Если справедливость может быть одной для многих народов, то право как совокупность норм всегда будет отличаться, поскольку формируется под воздействием множества факторов социального и культурного порядка. «Насколько не сходились бы юридические нормы отдельных народов, в них всегда останется значительная доля национальных особенностей. – писал М.Н. Капустин - Внешний порядок требует не одинаковых запрещений и приказаний; власть, устанавливающая нормы, пользуется доверием только членов определенного общества, для которых обязательно повиновение этим нормам. История представляет примеры несостоятельности всех попыток приложения иностранного положительного права. Факт национального характера этого права не подлежит сомнению…» [5 с. 43 - 44].

Необходимо подчеркнуть, что по мысли М.Н. Капустина, нельзя отдать предпочтение естественно-правовой, позитивистской или исторической идее в качестве методологического принципа изучения права. Лишь в их единстве правоведение способно решить свои задачи познания права. Трактуя право как формальную нормативную систему, характеризующуюся принудительным и официальным характером, он рассматривает его историческое изучение как важнейший для правоведения принцип. В своем фундаментальном труде, посвященном истории права, теоретик указывает на важность изучения всемирной истории права, именно для понимания сущности права: «При всем важном значении истории отечественного права, нельзя не согласиться, что изучением его не исчерпываются задачи исторической школы. Только из общей картины движения права у различных народов выясняются его основные элементы и прогрессивный характер» [6]. Но в то же время сам факт изучения истории права становится возможным лишь благодаря его общему понятию, благодаря тому, что законодательство каждого народа, если оно не является результатом произвола, должно существовать прежде своего начертания (в форме естественного права).

Этот проект теоретико-методологического синтеза, который стоял на повестке дня русского правоведения второй половины XIX века, имел много вариантов осуществления. Одним из таких вариантов является концепция общей теории права М.Н. Капустина, идея которой состоит в интеграции идей разных школ правопонимания в едином каркасе методологии данной науки.

Список литературы:

[1] Гроций Г. Оправе войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права. М., 1956.

[2] Новгородцев П.И. Лекции по истории философии права // Новгородцев П.И. Сочинения. М.: Раритет, 1995.

[3] Неволин К.А. Энциклопедия законоведения // Неволин К.А. Полное собрание сочинений. Т. 1 «Энциклопедия законоведения». СПб.: Типо-графия Эдуарда Праца. 1857. – 501 с.

[4] Капустин М.Н. Теория права (юридическая догматика). М.: Университетская типография (Катков и Ко), 1868. – 352 с.

[5] Капустин М.Н. Юридическая энциклопедия (догматика). СПб.: Типография одиночной Санкт-Петербургской тюрьмы, 1893. – 362 с.

[6] Капустин М.Н. История права. Ярославль: Типография Губернской Земской Управы, 1872 . – 294 с.

Spisok literatury:

[1] Grocij G. Oprave vojny i mira. Tri knigi, v kotoryh ob”yasnyayutsya estestvennoe pravo i pravo narodov, a takzhe principy publichnogo prava. M., 1956.

[2] Novgorodcev P.I. Lekcii po istorii filosofii prava // Novgorodcev P.I. Sochineniya. M.: Raritet, 1995.

[3] Nevolin K.A. Enciklopediya zakonovedeniya // Nevolin K.A. Polnoe sobranie sochinenij. T. 1 «Enciklopediya zakono-vedeniya». SPb.: Tipo-grafiya Eduarda Praca. 1857. – 501 s.

[4] Kapustin M.N. Teoriya prava (yuridicheskaya dogmatika). M.: Universitetskaya tipografiya (Katkov i Ko), 1868. – 352 s.

[5] Kapustin M.N. Yuridicheskaya enciklopediya (dogmatika). SPb.: Tipografiya odinochnoj Sankt-Peterburgskoj tyur’my, 1893. – 362 s.

[6] Kapustin M.N. Istoriya prava. Yaroslavl’: Tipografiya Gubernskoj Zemskoj Upravy, 1872 . – 294 s.